

Любите Россию и будьте России верны

На протяжении более чем пятидесяти лет она была мне не только самым близким человеком — Ольга Давыдовна окрыляла и вдохновляла меня во всех начинаниях! Только рядом с ней я чувствовал себя по-настоящему счастливым человеком.

В семье ко мне очень тепло относилась Антонина Александровна, мама Ольги Давыдовны, которая была не только талантливой пианисткой, но и очень гостеприимным человеком. Частые гости и застолья характеризовали этот дом как самый радушный в Ленинграде. Вот тогда от известных артистов оперы и балета я узнал, что Полина Васильевна, мама Давыда Константиновича, проживая до революции в Тбилиси, пела сольные партии с великим Федором Ивановичем Шаляпиным.

Жизнь Давыда Константиновича связана с Петроградом. В благодарность за научные достижения руководство города предоставило ему квартиру на петроградской стороне. Мне он рассказывал, как в блокадные годы квартира была почти полностью разрушена прямым попаданием «дружеской бомбы», которая, к счастью не разорвалась.

Школьные годы моей внучки Оленьки прошли в тяжелой обстановке, так как ее мама, Танечка, моя самая любимая девочка, умирала в мучениях от рака. Оленьке, так как она больше всех общалась со мной, передалась часть моего характера, может быть, не самая лучшая. В школе Оленька была непримирима к подхалимству, угодничеству, была прямолинейная, правдивая и волевая.

Однажды я посмотрел рисунки внучки и убедился, что она хорошо рисует. Но ей поставили на уроке «тройку». Беседуя с учителем по рисованию, я поинтересовался, почему рисунок оценили «удовлетворительно», на что получил ответ: «Посмотрите, как рисует мой сын, вот у него “пятерка”». Спорить я не стал, а лишь выяснил, располагает ли учительница временем на следующий день. Она ответила, что свободна, и ей было предложено в 13 часов приехать в Комитет по образованию, где дадут два листа бумаги. А кто лучше нарисует, тот и будет преподавать рисование, она или Оля. Учительница согласилась. Конечно же, умственному развитию некоторых учителей не позавидуешь!

Учительница по труду ее превзошла, когда предложила сшить детям блузки. Я заказал блузку в ателье, Ольга сдала ее на очередном уроке и получила «тройку». Встретившись с учительницей, я спросил: «Почему же Вы всему ателье поставили тройку? Вы когда-нибудь работали с электрическими машинами в ателье? Не лучше бы было учить девочек штопать, пришивать

пуговицы, вешалки и другую мелочь?» Учительница выскочила из кабинета за валерьянкой.

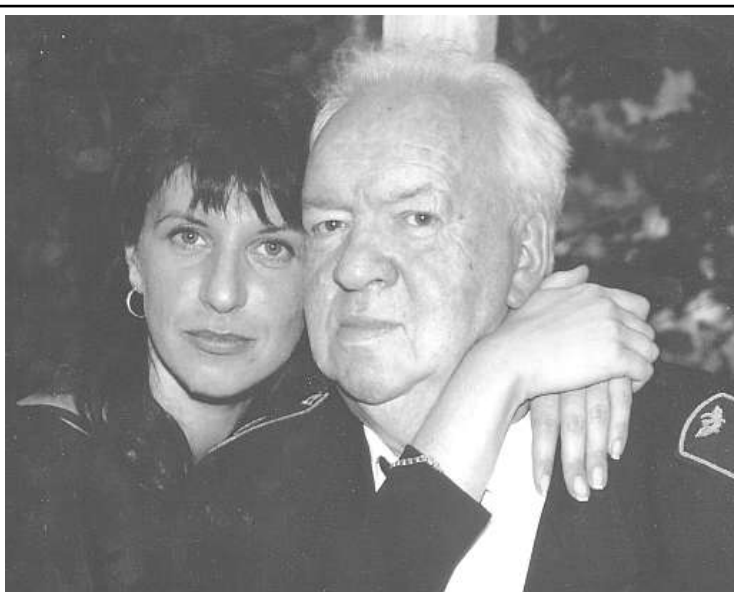
В сочинении Олечка оценила образ Павла Корчагина как положительный, учительница по литературе долго спорила с девочкой, доказывая, что никогда бы так не поступила.

Много было каверзных случаев, и, бесспорно, это отражалось на оценках Олечки.

Будучи членом родительского комитета класса, я слушал Яну Ефимовну, учительницу по иностранному языку, ярко накрашенную, курящую женщину.

Ее слова, что девочки стали краситься и курить, родителями были восприняты с опасением. Я же заявил учительнице в глаза: «Девочки берут пример с Вас, так как Вы краситесь, как маляр. А скоро дети начнут курить взятку».

Думаю, что от дурных учителей выходят и дурные ученики. Когда Олечку отчитывали за «тройки», она справедливо

Н. Ф. Бабанцев с внучкой Оленькой

заявляла: «Лучше бы Вы носили подарки учителям, тогда бы “троек” не было».

На последнем совместном совете учителей, родителей и учеников директор школы зачитала список тех, кто после окончания учебы пойдет учиться ПТУ, а кто в институты. Олечка была определена в ПТУ, якобы за лень и плохую сообразительность.

Я выступил один — больше никому слово не давали — и сказал: «Интересно, кто останется преподавать в школе, если подготовили выпускников в ПТУ? Значит, и учителям там место!»

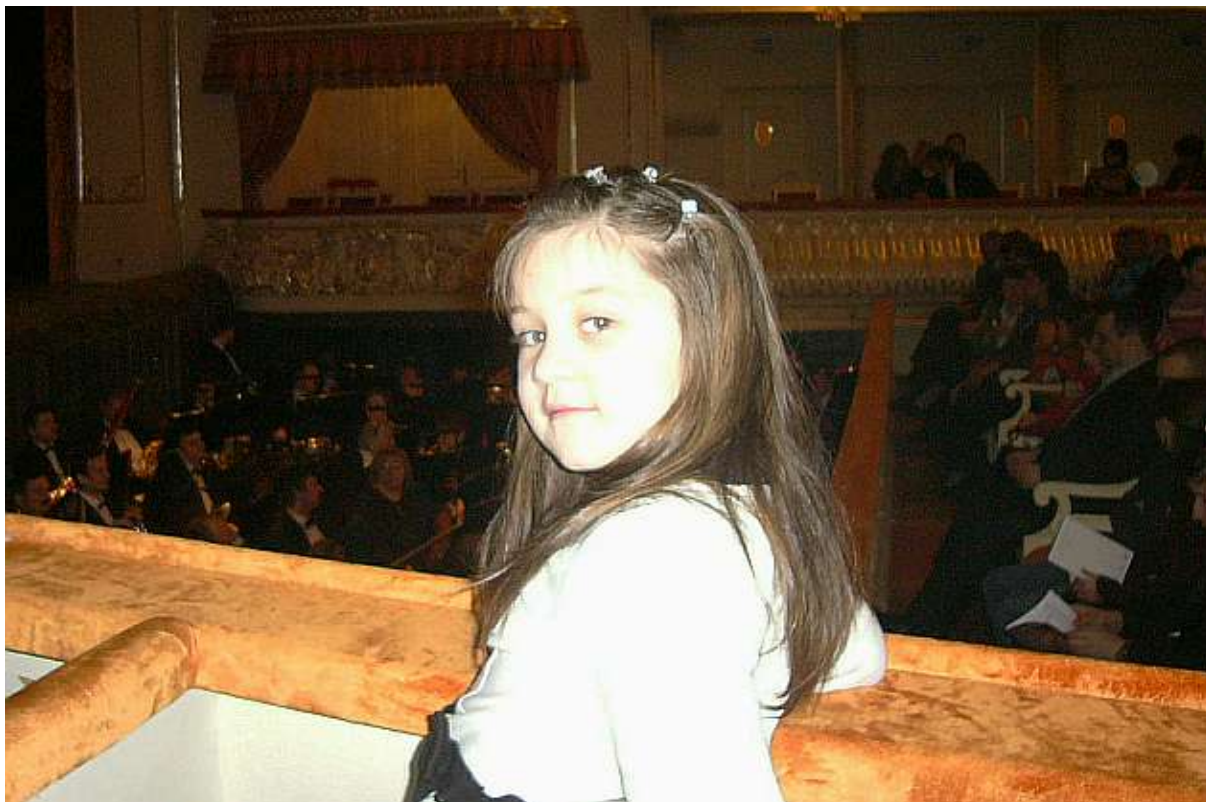
Как показало время, все выпускники школы, которым определено было поступать в институты, провалились на первых же

Правнучка Танечка

вступительных экзаменах.

Олечка же написала сочинение на «отлично», поступая на юридический факультет Государственного университета, сдала и другие экзамены. Она окончила юридический факультет с отличием в 1995 г. Руководителем ее дипломной работы был Николай Михайлович Кропачев, который возглавил университет в 2007 г.

Правнучка Танечка учится музыке и часто бывает с мамой в театрах.
Мы надеемся, что она продолжит традиции Ольги Андреевой

Вскоре она защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук, стала доктором транспорта и академиком.

Олечка не злопамятная и на учителей не обижалась, и теперь свою дочку, мою правнучку Танечку, отдала в эту же школу.

Меня Олечка очень любит, и еще в школьные годы посвятила мне стихи:

*Вся наша жизнь — это рулетка,
С удачей встречи не часты.
Но мне судьбой дана награда,
Ведь у меня есть ты!
С тобой проблемы не страшны мне,
Ты можешь все всегда решить,
Не знаю, будет ли хоть кто-то
Меня еще, как ты, любить.
С тобой была ведь я с пеленок,
Привыкла к нежности, добру,
И без твоих напутствий в жизни
Я знаю, точно не смогу!
Ты есть пример для подражания
В труде, уме и доброте,
Что ты достиг — предел мечтаний,
И ты всегда на высоте!
Дай Бог, родной, тебе здоровья,
Большой энергии и сил,
Улыбок, радости, похмелья,
И внучку чтоб свою любил.
Я ж постараюсь быть достойной*

Бабанцев Н.Ф. с талантливой и любимой ученицей Аруевой Л. Н.

Лариса Николаевна теперь уже 15 лет считается нашей дочерью с Ольгой Давыдовной. В период многолетней болезни Ольги Давыдовны бескорыстие и душевность Ларисы Николаевны поражали окружающих знакомых в проявлении каждодневного ухода за больной. Только глубоко верующая, высокой нравственности получала ответную любовь от Ольги Давыдовны.

Мы по праву считали Ларису Николаевну, посланную Господом Богом, как родную дочь, а ее сына Кирилла своим внуком.

После смерти Ольги Давыдовны мне пришлось пережить ряд сложнейших операций. Уход за мной также лег на плечи Ларисы Николаевны и Кирилла, что позволило мне продолжать трудовую деятельность в Университете.

Жизненному пути и творчеству Ольги Давыдовны Андреевой посвящены

К. Е. Ливанцев, командир минометного расчета.

сотни статей, как в периодической прессе, так и в искусствоведческих изданиях, монографии по оперному искусству. Я считаю необходимым привести слова, высказывания, воспоминания известнейших людей, которые лично знали и боготворили Ольгу Давыдовну.

Константин Ливанцев, ученый с мировым именем, доктор юридических наук, профессор, академик, участник Великой Отечественной войны, кавалер ордена Славы называет Ольгу Давыдовну Андрееву истинно народной актрисой земли русской. Будучи нашим общим другом, а также восторженным почитателем таланта великой певицы, он написал о ней яркие строки, которые были напечатаны в книге «Она защищала Ленинград». Далее в своих воспоминаниях хочу привести слова близкого друга.

«Творческий путь народной артистки Российской Федерации, народной артистки Казахстана певицы Ольги Давыдовны Андреевой по праву считается артистическим и человеческим подвигом! Еще в годы Великой Отечественной войны она, будучи студенткой Консерватории, часто выступала перед бойцами Ленинградского фронта, пела в госпиталях осажденного города. Голос Андреевой звучал в короткие минуты затишья на передовой — Пулковских высотах и на Ораниенбаумском плацдарме.

После победоносного окончания войны Ольга Давыдовна побывала с сольными концертами в самых отдаленных местах страны, а также за рубежом. Если взглянуть на карту Родины: Центральные районы и Заполярье, Казахстан, Красноярский край и Урал — все это и есть карта концертной деятельности О. Д. Андреевой!

Необычайно широко дарование выдающейся артистки. Большой красивый голос теплого звучания, большого диапазона в сочетании с прекрасными внешними данными и высокой музыкальной культурой позволяли певице с колоссальным успехом выступать как в опере, так и в опереточных спектаклях, в концертах, исполняя классические произведения, русские народные песни, старинные русские романсы, песни народов мира. Со времен войны сопровождает меня, как и многих людей моего поколения, голос О. Д. Андреевой.

Мы помним и ее пламенную Тоску, и нежную Татьяну, блестящих Марицу, Сильву, Баядеру и многое, многое незабываемое другое. Слушая О. Д. Андрееву, ее старинные русские романсы, исполненные с необыкновенной одухотворенностью и высокой культурой, невольно предстает образ Великой Надежды Андреевны Обуховой! Из многочисленных газетных и журнальных статей мне стало известно, что Ольга Давыдовна с времен войны выступила с многими тысячами шефских концертов.

Вся ее жизнь отдана служению Искусству. Вера в безграничную силу искусства, в то, что, подобно хлебу насущному, искусство необходимо всем и каждому, вера эта влекла сердце актрисы. Вот почему О. Д. Андреева в Целинную эпопею не осталась в стороне от событий в стране, а, возвратившись из очередной гастрольной поездки по целинным землям, решила поехать к замечательной патриотической молодежи, чтобы там

создать многочисленный и многонациональный ансамбль песни и танца — «Целинник»!»!

Просматривая прессу шестидесятых годов, убеждаешься, что целинные земли с концертами посещали известные артисты, но ограничивались всего лишь несколькими днями.

Совершенно понятно, что никто не желал отправляться в добровольную ссылку в те жуткие условия, с которыми смирялась лишь патриотически настроенная молодежь. Ольга Давыдовна же прекрасно понимала необходимость создания достойного очага культуры. Слова из ее обращения к ведущим деятелям культуры страны: «нас ждут на Целине» подтверждают, что она приняла ответственное решение уехать в далекую Акмолу!

В первую очередь Ольгу Давыдовну поддержали выдающиеся композиторы: Анатолий Новиков, Ваню Мурадели, Серафим Туликов, Борис Мокроусов, Лев Тумашев, поэт Михаил Вершинин и другие, которые писали песни и стихи на целинную тематику.

Подобных примеров история искусства не знает: певица в расцвете творческих сил, имеющая колоссальный успех, сознательно перестала петь в столичной опере, прервала блестящую концертную деятельность ради работы с молодежью на целинных землях. Ольга Давыдовна как человек большого сердца, патриотизма и душевной щедрости пошла на это, по существу, самопожертвование!

Для отбора молодежи для ансамбля требовались огромные усилия. Требовалось ездить по совхозам с агитацией. При этом использовались плакаты, изготовленные по заказу горкома Комсомола, призывающие прийти участникам в музыкальную школу для прослушивания. Надо отметить, что интерес у молодежи был значительный. Это можно объяснить только тем, что в свободное время молодежь была предоставлена сама себе и полным отсутствием мероприятий по организации их досуга.

Ольга Давыдовна проверяла и отбирала участников на исполнении русских народных и украинских песнях. Эстрадная микрофонная попса ее не интересовала.

Создание ансамбля проходило в чрезвычайно сложных условиях. Большинство участников ансамбля были представители трудовых коллективов и проживали в разных общежитиях. Идеологические и культурные организации не принимали мер к тому, чтобы предоставить места для ночлега части группы, которые ночевали на вокзалах. Однажды, когда я был дежурным прокурором по городу, в ночное время зимой при объезде города увидел на остановке автобуса мешок. Остановил машину, подошел и оказалось, что это спящий человек Аркадий Суворов, который был солистом ансамбля.

Мне с трудом удалось устроить его в гостиницу «Ишим» на неделю и вызвать врача. Возможно, этот случай спас ему жизнь.

Руководство Краем сообщало в Москву, что на Целине не только ансамбль Целинник, но имеются 25 домов Культуры, в которых работают различные самодеятельные коллективы. Для проверки этих сведений был направлен в Целиноград композитор Тумашев. Местные руководители не рекомендовали ему осуществлять проверку, ссылаясь на бездорожье и разбросанность Домов Культуры. Тумашев настоял на проверке и позднее доложил в Москве о том, что 25 мест проведения досуга – вымышленные «потемкинские деревни».

Самоотверженный труд О. Д. Андреевой дал конкретные результаты: 120 участников в первых же своих концертах продемонстрировали родному краю искусство высокого творческого уровня. Недаром уже вскоре после создания «Целиннику» было присвоено звание «Народный ансамбль». Более того, ансамбль стал лауреатом Казахстана.

Следует отметить, что все годы работы на Целинных землях Казахстана на зарплате в 100 рублей, Ольга Давыдовна не получала поддержки от Городского Комитета партии, возглавляемого Володаром Янкелевичем Клейнгольдом. Сотрудники его аппарата часто вмешивались в работу коллектива перед ответственными выступлениями. Приведу один пример.

В крае была осуществлена смена руководства и Первым Секретарем Краевого Комитета Коммунистической партии Казахстана, вместо Тихона Ивановича Соколова, назначили Федора Степановича Коломейца – Героя Социалистического Труда и заместителя Д.А.Кунаева.

В первый же день он пригласил В.Я. Клейнгольда и поинтересовался о состоянии дел с «Целинником». В.Я. Клейнгольд сообщил, что танцевальную группу мужчин призвали на службу в Советскую Армию, а женский коллектив хора развалился из-за грубого отношения О.Д. Андреевой. Добавил при этом, что разговаривал с секретарем Обкома КПСС в Ленинграде Богдановым, который отрицательно ее охарактеризовал.

Федор Степанович не поверил Клейнгольду и сказал, что он космонавтом Германом Степановичем Титовым слушали «Целинник» на конкурсе коллективов Республики в Алма-Ате, на котором ансамбль был признан победителем. Клейнгольд ответил, что все это в прошлом! Встреча закончилась тем, что Федор Степанович потребовал пригласить на прием Ольгу Давыдовну на следующий день к 16 часам.

Встреча состоялась, и Ольга Давыдовна получила указание, собрать ансамбль для выступления через день в помещении драматического театра.

В 8 утра состоялся концерт, который прошел на «Ура», так как каждый из участников прекрасно понимал, что впереди их ждет!

В 16 часов состоялось Бюро Крайкома КП Казахстана, на котором слушался вопрос о Целинном ансамбле песни и танца.

Ф.С. Коломеец спросил Ольгу Давыдовну о сроках готовности выступления в Москве в Кремлевском дворце. Андреева ответила, что ансамбль будет готов к середине мая.

Федор Степанович тут же связался по телефону с Фурцевой Е.А. и попросил ее принять в Москве с отчетными концертами Андреевский ансамбль «Целинник» песни и танца.

25 мая ждем, ответила Фурцева.

Вот такая была Екатерина Алексеевна Фурцева – одна из лучших и принципиальных Министров Культуры СССР.

Федор Степанович обратился к Ольге Давыдовне: «Вы довольны». «Спасибо» - ответила она.

Не обращайтесь внимания на замечания и вмешательства в дела ансамбля и готовьте выступление. Если будет нужна помощь, обращайтесь ко мне или Владимиру Владимировичу Мацкевичу – председателю Краевого Исполкома.

Как известно из печати, концерты Целинника в Кремлевском дворце и других сценах столицы прошли с грандиозным успехом, а затем и на концертных площадках Европейских

фестивалей!

Возникает вопрос! Почему «Целинник», являясь лауреатом во многих столицах Мира не выступал в Ленинграде, хотя и были ходатайства от ЦК КП Казахстана, которые гарантировали покрытие финансовых затрат, связанных с концертной деятельностью ансамбля. Однако вопрос выступлений в городе был решен единолично секретарем ленинградского обкома КПСС Богдановым, которого больше вдохновляли пьянки и взятки, а патриотизм он ненавидел, поэтому ленинградцы и не увидели концертов знаменитого «Целинника».

Как в последующем выяснилось, он был алкоголиком.

Внезапная болезнь вынудила Ольгу Давыдовну покинуть Целиноград. Однако она поборола недуг, возвратилась на сцену. Люди ее склада характера обладают неимоверной волей.

В одну из первых своих далеких гастрольных поездок О. Д. Андреева поехала к своим любимым сибирякам — строителям Красноярской ГЭС, с которыми ее многие годы связывала творческая дружба, на Саяно-Шушенскую ГЭС и в родной Целиноград. На целинных землях Ольгу Давыдовну встречали

заслуженно, достойно ее подвига. В течение месяца она выступала с сольными концертами в залах столицы, не забывая и дальние совхозы. Во время первого концерта во Дворце Молодежи секретарь крайкома КП Казахстана Маговья Сеиловна Исмагамбетова приказала скупить все цветы из магазинов города и усыпать ими сцену первоцелинницы Ольги Андреевой.

В многообразном репертуаре известной оперной певицы звучали как арии опер, оперетт, романсы русских композиторов, так и песни советских авторов. Певица свободно владела своим красивым голосом, не прибегая к микрофонной технике. Слушатели с восторгом воспринимали ее исполнения и мастерство, убеждаясь в распространяемой лжи, что Андреева оставила сцену столичного оперного театра из-за потери голоса.

Каждый концерт певицы был праздником для горожан.

Спустя десятилетия фронтовики вспоминают концерты Ольги Андреевой, которые слышали на передовой. Эта музыка помогала им громить фашистских захватчиков. Какой любовью и признательностью наполнены слова председателя совета ветеранов 42-й армии Ленинградского фронта, полковника в отставке Вячеслава Александровича Соколова! Привожу их полностью.

«...Многолетняя, широко известная деятельность Ольги Давыдовны Андреевой на поприще культуры началась в самые тяжелые для Ленинграда дни героической битвы у стен города — на Пулковском рубеже, где в сентябре 1941 года решалась его судьба. Намерения фашистских захватчиков штурмом взять город в сентябре 1941 года потерпели крах, но вражеские войска продолжали копить силы, готовясь вновь и вновь к захвату города, который с 8 сентября находился в блокаде. В этих тяжелых, нечеловеческих условиях население Ленинграда, войска Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота проявили исключительную волю, стойкость и сплоченность, отдавая все силы на разгром врага. На передовых рубежах Ленинградского фронта уже в первые месяцы войны оказались не только солдаты и офицеры с винтовками и автоматами, но и люди очень мирной профессии — артисты. Крайняя сложность обстановки диктовала необходимость поддержки защитников города, поднятия их духа, уверенности в победе, снятия огромного нравственного и морального напряжения. И эту миссию взяли на себя без подсказки и приказа молодые артисты Ленинградской консерватории, которые по своей инициативе организовали бригаду для поездок в войска фронта с концертами.

В эту бригаду вошла студентка 4-го курса консерватории Ольга Андреева, обладающая чудесным голосом — сопрано и любовью к сольному исполнению русских народных песен и романсов. Это было для бригады студентов-артистов находкой, и она по праву заняла среди своих коллег ведущее место, оставаясь, однако, очень скромной, сдержанной, уважительной. Своими песнями и романсами она поднимала боевой дух воинов нашей 42-й армии Ленинградского фронта. Ее неповторимой красоты и тембра голос звучал в блиндажах, а также в госпиталях города и бомбоубежищах.

Никто из нас, воинов 42-й армии Ленинградского фронта, находящихся в сентябре 1941 года на главном направлении боевых действий в битве за Ленинград —

на Пулковском рубеже, не мог и думать об артистах. С 15 по 25 сентября войска 42-й армии Ленинградского фронта вели непрерывные боевые действия и днем и ночью с превосходящими силами противника и выполнили приказ Военного совета фронта: «Ни шагу назад».

Враг был остановлен у стен города — на Пулковском рубеже. Тяжелые бои, большие потери не прошли бесследно для защитников города. Они нуждались в поддержке, в добром слове, во встречах с ленинградцами, которых они защищали, на поддержку которых надеялись. Совершенно неожиданно в первых числах октября 1941 года (точную дату не помню) нам объявили, что для батальона 42-й армии, в котором я был командиром отделения, сержантом, и 705-го истребительного противотанкового артиллерийского полка состоится концерт артистов.

От Пулково до передовой рукой подать, немногим более одного километра. Учитывая это, походный театр замаскировали. Вместо сцены оборудовали небольшое возвышение из досок, а для сидения положили бревна. Нас предупредили: никаких аплодисментов, рядом передовая. Быстро собрались к назначенному времени и увидели сидящих молодых, просто одетых штатских людей, непохожих на артистов. Но это были именно артисты агитационной бригады Ленинградской консерватории, и среди них Ольга Андреева.

Задушевные песни о Родине, романсы покорили слушателей, и мы долго не отпускали певицу со сцены. По окончании выступления артистов они продолжали оставаться с нами, желали нам стойкости, победы над врагом, обещая вновь посетить нас. И эти обещания ими были выполнены. Наши встречи в годы блокады продолжались. Более того, диапазон их расширился: артисты посещали госпиталя, другие части. Так, в боевой обстановке, воины 42-й армии познакомились с замечательной артисткой Ленинграда Ольгой Андреевой.

С тех далеких лет наши контакты с певицей не прекращались. Находясь в Ленинграде, она всегда находила возможность или выступить на встрече с новыми песнями, или позвонить по телефону, или поздравить с Днем Победы. Многие ветераны войны получили и подарки от Ольги Андреевой — пластинки любимых нами песен в ее исполнении.

Ольга Андреева повзрослела, и теперь мы ее по праву называем Ольгой Давыдовной. Приятно отметить, что возраст ее не сломил. Посещая ее на квартире накануне 55-й годовщины Победы, мы убедились в этом. Имея высокие звания и отличия и огромную популярность, Ольга Давыдовна осталась очень простой и человечной, внимательной и отзывчивой, очень красивой и милой женщиной, достойной высокого уважения и любви. Отмечая большие заслуги О. Д. Андреевой в шефской работе в 42-й армии в годы Великой Отечественной войны, ей было присвоено звание «Почетный ветеран 42-й армии» с вручением нагрудного знака отличия. На всех проводимых встречах ветеранов 42-й армии, посвященных праздникам Победы и другим памятным датам, мы искренне благодарим Ольгу

Давыдовну Андрееву за ее высокий гражданский подвиг во славу нашей Родины.

Низкий поклон Вам, дорогая Ольга Давыдовна, от ветеранов войны, судьбу которых Вы разделяли в тяжелые военные годы».

Народный артист СССР, лауреат Государственных премий, ректор Консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова профессор, академик Владислав Чернушенко посвятил Ольге Андреевой следующие строки.

«Бывают люди и Люди, бывают судьбы и Судьбы, бывает дело и Дело, бывает служба и Служение. Простые формулы жизни, где нет трескотни и шума, где о героическом не глаголют велеречиво, а мягко подтрунивают над собой, касаясь событий, входящих в историю с грифом «Подвиг». В смуте нынешних дней, растворивших, размывших некогда святые понятия — такие, как честь, порядочность, совесть, патриотизм, — мы притерпелись к тому, что живем оболганными и изломанными подонством новоделов сегодняшнего нашего бытия. И не видно просвета...

Но нет! И в этих удушающих сумерках вспыхивают имена и даты, возвращающие нам память, заставляющие нас расправить плечи и ощутить свое человеческое достоинство, соединить сердца и души в порыве радости и горести за поруганную ныне, но великую вопреки всем напастям Державу Российскую, за сынов и дочерей Отчизны нашей, примером жизней своих являющих образец исполнения долга бескорыстного служения земле родной и родному народу.

Еще в студенческие консерваторские годы опаленная жарким дыханием войны, там, на Пулковском меридиане, она со своей песней заступила на бессрочную вахту служения Родине. И во всю последующую жизнь не уклонилась, не попросила отдыха, не пожаловалась на недомогание и усталость, но неуклонно и строго повелевала себе быть в строю, там, где ее талант, как она считала, был всего необходимее. Пожертвовать карьерой оперной примы, отказаться от почестей, званий, наград лишь для того, чтобы простые люди, далекие от серьезного музыкального искусства, в тяжелейших условиях освоения целинных земель могли услышать голос «той», большой жизни, не знающей брезентовых палаток и землянок, суховеев и изнуряющей жары, — кто на это пойдет сегодня? Ольга Андреева не просто решилась, а отважно бросилась туда, увлекаясь идеей привнесения высокого искусства в трудовой быт и увлекая за собой тех, у кого, как у нее, проявлялось «нетерпение сердца».

Годы ничего не изменили в натуре этой удивительной женщины. Инструмент, дарованный Ольге Андреевой Господом Богом, не потерял своего тембрового богатства и особой теплоты звучания. И это потому, что человек поет связками, а звучит сердцем. И сердца этого хватает на всю страну, дабы люди не утратили веры в то, что не ушли из земли русской Щедрость, Благородство, Доброумие и Великая Ратная Сила, которые сберегут и вновь возвысят в мире страдальную и прекрасную нашу Россию».

Борис Штоколов, народный артист Советского Союза, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, обладатель лучшего баса мирового искусства по красоте тембра и окраске звучания, более 30 лет брал уроки вокального мастерства у Ольги Давыдовны, перенимал ее бесценный опыт. Долгие годы дружбы связывали меня с Борисом Штоколовым, который называл артистический дар Ольги Андреевой божественным и неповторимым. Штоколов посвятил Ольге Давыдовне ряд воспоминаний. Вот некоторые из них.

«Общеизвестно, что Ольга Давыдовна — непосредственная участница битвы за Ленинград в составе 42-й армии Ленинградского фронта, правда, как писали газеты, ее оружием была песня. 22 июня 2000 года телевидение Санкт-Петербурга показало специально подготовленную передачу — телефильм «Выбор пути» о нашей землячке, а газета «Известия» опубликовала статью «Сны фронтовой певицы», из которой видно, что еще в 1979 году Ольга Давыдовна за конкретные заслуги представлялась к почетному званию «народный артист Советского Союза».

Станным мне представляется то обстоятельство, что материалы представлений вместо положительных результатов из обкома КПСС отправились в партийный архив. Перелистывая прессу центральных газет, ленинградские, красноярские, омские, казахстанские, мы читаем о трудовых, гражданских и фронтовых доблестных свершениях О. Д. Андреевой.

Свое восхищение в газетах и журналах выразили народные артисты, Герои Социалистического Труда: М. Царев, А. Борисов, Л. Картаузов, Е. Золотарев, Ю. Толубеев, А. Новиков, Н. Черкасов, космонавт Герой Советского Союза Герман Титов. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» 12 мая с. г. выступила со статьей «Оленька с Пулковских», в которой автор рассказал, как Ольга Андреева, являясь при защите города студенткой консерватории, не срывала концертов во фронтовой студенческой бригаде, оставляя 9-месячную дочь с больными родителями, а в последующем стала выступать по ленинградскому радио, так как другие участники погибли.

После победоносного окончания войны Ольга Давыдовна приобрела известность как солистка музыкальных театров страны. Большой красивый голос теплого звучания, большого диапазона в сочетании с красивой внешностью и высокой музыкальной культурой позволили певице успешно выступать как в опере, так и оперетте, в концертах, исполняя старинные русские романсы, песни народов мира. Мы помним и ее пламенную Тоску, и нежную Татьяну, блестящих Марицу, Сильву, Баядеру и многое незабываемое другое.

Я знаю, что Ольга Давыдовна занимала ведущее положение в Ленинградском академическом Малом театре оперы и балета, помню в ее исполнении партию Тоски в одноименной опере Пуччини «Тоска», которую она пела много раз с иностранными гастролерами. И в том же 1962 году я был крайне удивлен, когда в газете «Советская культура» прочитал обращение солистки Малого оперного театра Ольги Давыдовны Андреевой от 15 марта к деятелям культуры и искусства — «Нас ждут на Целине!». В последующем довольно часто в прессе освещалась работа нашей землячки в условиях необжитых мест Целинного края Казахстана, где она в тяжелейших бытовых, материальных и моральных условиях отбирала молодежь в создаваемый ею многонациональный и многочисленный коллектив ансамбля песни и танца «Целинник». Как выяснилось из газетных статей, Ольга Давыдовна в гастрольной поездке по Сибири, Дальнему Востоку, Красноярскому краю побывала и на Целине. Там-то и произошла встреча с первоцелинниками, которые приехали из разных республик по зову сердец осваивать новые земли. В то время были массовые факты «побегов обратных», так как с молодежью в часы досуга в плане их духовных интересов не работали, если не считать отдельных концертных выступлений столичных актеров. Молодежный стон достиг сердца О. Д. Андреевой, и она согласилась оставить сцену любимого оперного театра, прекратить петь, выступать во имя создания «Целинника».

Героический поступок О. Д. Андреевой не однозначно одобрялся. Западная пресса писала, что О. Д. Андреева — вымышленная фигура, потому что, если певица или певец не потеряли голоса, то на подобное самопожертвование никогда не пойдут. В Союзе же патриотический почин оперной певицы превратился в

движение, которое поддержали такие выдающиеся деятели культуры и искусства, как композиторы Анатолий Новиков, Вано Мурадели. Мастерские Большого театра готовили для ансамбля костюмы, Вахтанговский театр — декорации, поэт Михаил Вершинин подготовил двойной конференс в стихах, воспевая подвиг молодежи и ее героический труд на целинных землях.

Я, бесспорно, согласен, что мировая история не располагает примерами, чтобы известная певица сознательно оставила бы театр и прекратила петь в расцвете творчества и сослала бы себя на жизненные лишения. Вот поэтому Ольга Давыдовна Андреева по праву считается легендарной женщиной и выдающейся артисткой современности!

Четыре года проработала моя землячка на ставке рядового клубного работника, для оперной певицы зарплата была унижительной, но ансамбль песни и танца «Целинник» был ею создан. Отчетные концерты Андреевского «Целинника» успешно прошли в Кремлевском театре, Колонном зале Дома союзов, на ВДНХ и в других столичных залах, как об этом писали «Советская культура» в статье «Гори, целинный огонек», а также «Известия».

В последующие годы «Целинник» был удостоен звания «народного» и был победителем международных конкурсов среди самодеятельных коллективов, стал известен в Европе. В Ленинград коллектив ансамбля не приглашался, да и положительные решения по присвоению О. Д. Андреевой почетных званий направлялись в архивы. Так и осталась Ольга Давыдовна заслуженной артисткой РСФСР и народной артисткой Казахской ССР.

1979 году страна вновь услышала певицу О. Д. Андрееву, которая, победив тяжелую болезнь, вышла на концертную эстраду в нашем городе, а потом и с гастрольными поездками в Красноярск, где в 60-е годы помогала создавать музыкальный театр и целинные земли Казахстана.

Из первого телевизионного фильма «Выбор пути», где ведущим был Герой Социалистического Труда, народный артист СССР Игорь Горбачев, в фильме, который транслировался много раз по Союзу и особенно по Казахстану, видно было, как трудящиеся целинных земель с транспарантами встречали создателя «Целинника», прославленную ленинградку, восхищаясь выдающейся артисткой современности!

Трудящиеся целинных земель наяву слышали замечательный голос оперной певицы О. Д. Андреевой и со слезами на глазах, как писали «Известия», убеждались в истинном самопожертвовании певицы.

9 июня 1998 года «Известия» опубликовали статью «Пока я помню — я живу», в которой сообщалось, что заслуженная артистка России Ольга Андреева тяжело заболела, месяц пролежала в реанимации, и когда поборола смерть, то решила более тысячи пластинок, подготовленных для отправки покупателю в Алма-Ату, подарить своим сверстникам — бойцам 42-й армии Ленинградского фронта, а также инвалидам войны, сражавшимся за Родину.

Ее жизненный путь еще долгие годы будет являться примером для целых поколений молодых исполнителей, музыкантов, деятелей искусства».

Выражая мнение петербургской интеллигенции, член Союза композиторов Санкт-Петербурга, заслуженный деятель искусств России Георгий Корчмар писал, что за 60 лет творческой деятельности этой замечательной певицей сделано очень многое. В годы Великой Отечественной войны свою

артистическую молодость она посвятила фронту. Ее яркие выступления, наряду с аналогичной деятельностью других известных советских артистов, в большой мере влияли на становление нравственных качеств воинов и тем самым немало способствовали приближению великой Победы. Большое внимание артистка всегда уделяла педагогической деятельности.

Директор и художественный руководитель Государственного академического Мариинского театра дирижер Валерий Гергиев говорил об особом феномене судьбы О. Д. Андреевой, который заключался в необычайном художественном и общественном энтузиазме, пронесенном ею с честью через все 60 лет служения искусству и народу своей страны. Он восторженно писал: «Сколько человеческих судеб коснулось ее бескорыстие, подвижничество, смелость, романтизм, профессиональная истовость! Жизнь и творчество О. Д. Андреевой — пример, способный открыть современникам высокие понятия патриотизма и народности, тесно связанные со служением избранному искусству!»

До сих пор из бескрайних просторов России, из стран СНГ приходят письма от людей, которые многие десятилетия тому назад прикоснулись к творчеству оперной дивы. Помнят ее и в Красноярске. Так, народный артист России Дмитрий Хворостовский пишет: «Мои земляки-красноярцы никогда не забудут сотен сольных концертов О. Андреевой по городам края и, одновременно, создание не только первого Музыкального театра в Красноярске, но и первых очагов культуры в самых отдаленных местах моей Родины, Сегодняшние успехи Красноярска как города высокой музыкальной культуры — во многом результат вклада легендарной женщины в нравственное и музыкальное искусство. И по сей день мы, народные артисты, благодарны нашему замечательному педагогу за педагогический талант и пример служения народу».

Хочу еще раз остановиться на одном немаловажном факте из жизни Ольги Давыдовны (на него указывает и Б. Штоколов). За рубежом не могли поверить, что великая Ольга Андреева по своей инициативе уехала на Целину, так как примеров подобной самоотверженности мировая история искусства не знала. Распускались сплетни, что ее героизм — коммунистическая пропаганда, а сама певица лишилась голоса. Но жизнь и дальнейшее восхождение певицы на оперный Олимп опровергли эти нелепые домыслы. Считаю, что никто не может так ярко, интересно и эмоционально отразить жизненный путь Ольги Давыдовны Андреевой, как она сама. Хочу познакомить читателей с фрагментами из ее книги «Пока я помню — я живу».

Ничто так благотворно не действует на душу и психику человека, как музыка. Музыка, по-моему, делает человека тоньше, мягче, добрее, более

чутким к страданиям и нуждам людей. Музыка помогает человеку понимать и чувствовать красоту во всех ее проявлениях.

Есть музыка, несущая в себе глубокие чувства и страсти, большие философские мысли и идеи, но есть музыка примитивных мыслей и чувств — такая музыка, конечно, человеку духовной пищей служить не может, она в лучшем случае развлекает, а в худшем — тлетворно действует на человека, особенно молодого, несформировавшегося. Как сказал еще И. С. Бах: «С прикосновением к плохой музыке вкус бывает испорчен». Много есть людей, даже как будто интеллигентных, для которых мир звуков Бетховена, Моцарта, Чайковского, Рахманинова непонятен и чужд. Как мне жаль таких людей, лишенных огромной радости жизни — чувствовать, переживать одно из наивысших наслаждений — прекрасную музыку.

Я очень рано соприкоснулась с музыкой; насколько моя память сохранила впечатления от знакомства с миром — они всегда были связаны с музыкой. Музыка с самого раннего детства являлась неотъемлемой частью моей жизни. Я не представляю себе жизни без нее, она нужна была мне всегда как воздух, пища и вода.

Как сейчас вижу перед собой большой зал провинциального дома с окнами, открытыми в сад, откуда вливается упоительный аромат южного вечера, а за роялем — Софью Леонтьевну Валковскую, исполняющую вальсы и ноктюрны Шопена. Меня, пятилетнюю девочку, околдовывали эти божественные звуки, я забывала все детские игры и забавы и, как зачарованная, часами простаивала у рояля, пока меня с трудом не уводили спать. А музыка у нас в доме звучала каждый вечер. Мои родители были очень общительными людьми, и очень часто по вечерам в нашем доме собирались гости. Мама хорошо играла на рояле, она занималась в Харьковской консерватории по классу рояля, но замужество и начавшаяся революция не дали возможности завершить музыкальное образование. К тому же мама хорошо пела. У нее было лирическое сопрано приятного тембра.

Сочетание турецкой и украинской крови сказалось на ее красивой и оригинальной внешности. Роскошные волосы, зеленовато-карие с поволокой добрые глаза, жемчужные зубки — она была просто обаятельна и обворожительна.

Мамочка была удивительно мягкая, воспитанная, деликатная женщина. Я никогда за всю жизнь не слышала от нее грубого слова, повышенного тона, никогда никого она не осудила и не обидела.

Папа был высокого роста, стройный, с хорошим открытым лицом, с большими серыми глазами, красиво очерченным ртом, обрамленным бородкой, прекрасными манерами — в общем, внешность настоящего русского барина. По характеру человек вспыльчивый, горячий, иногда резковатый, но необыкновенно добрый, сердечный и благородный. Он неплохо играл на флейте и тоже пел. К нам приходили певцы, пианисты, скрипачи профессионалы и любители, а если и не было никого, то папа и мама сами музицировали.

Софья Леонтьевна Валковская, окончившая Петербургскую консерваторию, в 20-х годах в Краснодаре была одним из популярных педагогов

по роялю. Заметив во мне такую увлеченность музыкой, она предложила родителям начать со мной заниматься. Решили попробовать, что из этого получится, ведь мне не было еще и пяти лет, я не умела ни считать, ни читать, да и сумею ли я сосредоточиться и просидеть у инструмента хотя бы полчаса. Ведь раньше старая методика преподавания была очень скучна и утомительна для малышек. Занятия начинались не с песенного материала, а со скучных упражнений — гамм и школы Бейера. И каково же было удивление родных, когда я без напоминаний, без уговоров, сама, лишь встану утром рано, бегу к роялю и по нескольку часов играю гаммы и каноны. Успехи я делала большие, Софья Леонтьевна мое усердие всем ставила в пример. Я обогнала многих учениц старше меня по возрасту и по времени занятий. Через год Софья Леонтьевна начала меня выпускать в концертах, сначала в ученических, закрытых, а через полтора года я впервые выступила в открытом большом концерте. Тогда я первый раз в жизни получила огромный букет цветов и тут же с обидой заявила Софье Леонтьевне, которая стояла и утешала меня из-за кулис: «А зачем мне цветы? У нас в саду их много. Лучше конфеты пусть дадут». Она рассмеялась: «Ведь ты артистка, а артистам дарят цветы».

Пресса похвалила меня, назвав «краснодарской малюткой-вундеркиндом, восходящей звездочкой». Меня слушали большие музыканты, такие как скрипач Эрденко, дирижер Браун — и все твердили о моем незаурядном даровании.

В Краснодаре оперного театра не было, и, когда приехала гастрольная оперная труппа, меня повели на оперу А. Рубинштейна «Демон». Это была первая опера в моей жизни. Произвела она на меня огромное впечатление. Придя домой, я собрала все шали, шарфы и целыми днями изображала то Ангела, то Демона. Меня также совсем очаровали танцы, и я начала под музыку выдумывать всевозможные па. Особенно я любила танцевать умирающего лебедя, причем танцевала увлеченно и ужасно долго. Мамочка, аккомпанирующая мне, говорила: «Хватит, Олюша, лебедь уже умирает». А я отвечала: «Нет, мамочка, не умирает, он должен крылышками еще помахать».

Вскоре мы переехали в Петроград. На всю жизнь запомнилось первое впечатление, которое произвел на меня этот город. Когда я вышла на Знаменскую площадь и увидела памятник Александру III, так называемое «пугало», меня, маленькую девочку, выросшую среди природы, в большом саду, окружающем дом декоративными и фруктовыми деревьями, массой цветов и залитого всегда ярким солнечным цветом, ошеломило и подавило нагромождение огромных каменных зданий, серое мрачное небо и ужасный холод. Когда мы уезжали из Краснодара, там была весна в полном разгаре, распускались почки на деревьях, щебетали птички, выставлялись рамы из окон; на каждом углу стояли продавщицы фиалок, изумительных, душистых, южных лесных фиалок, наполняющих ароматом все улицы города. Гораздо позже я увидела и поняла всю прелесть и красоту Петрограда: он прекрасен в своем грозном величии. Город, созданный гением и вдохновением лучших зодчих и скульпторов, где каждый дом и улица — история. Мне полюбились сказочно-волшебные белые ночи. Этот город неповторим.

В Петрограде, когда мы приехали, жила папина мама, братья и сестра, и здесь я снова попала в атмосферу музыки. Моя бабушка в прошлом была

певица — ученица знаменитого в России, в Петербургской консерватории педагога-итальянца Эверарди, однако творческая судьба сложилась у нее неудачно. Ей очень рано пришлось оставить сцену по семейным обстоятельствам, но ей выпало счастье петь в Тифлисской опере с Шаляпиным. Шаляпин тогда учился у Усатова, его карьера только начиналась, он часто бывал у бабушки в доме. Это еще не был знаменитый, великий певец и артист, а был одаренный юноша, не имеющий своего концертного костюма, и первые выступления в концертах он пел во фраке моего дедушки. Мой дедушка, Андреев Константин Петрович, был высок и широк в плечах, с окладистой бородой, к искусству не имел отношения, он был инженер путей сообщений — строил Закавказские железные дороги, но искусство любил и был всегда покровителем талантов.

Папин младший брат Леонид обладал прекрасным баритоном необыкновенной красоты, окончил Петроградскую консерваторию по классу Габеля, ученика Эверарди, к тому же он хорошо владел роялем. Помню, как в один из апрельских дней дядя Леня взял меня за руку и повел в Консерваторию, чтобы меня прослушал Глазунов. Я и сейчас ясно представляю огромную, тучную фигуру Александра Константиновича и его добрые, ласковые глаза. Он меня прослушал, похвалил и сказал, что из меня получится толк. Вообще, как видно, большим людям свойственны доброта и доброжелательность.

Балетом я занималась, пока не переехала в Петроград, где пошла в среднюю общеобразовательную школу сразу в третий класс и продолжала, конечно, заниматься роялем, а балет сам собой отпал. И, как ни странно, я совсем не переживала, и меня не тянуло, видно, все же это было не мое призвание.

В годы моей юности в средней школе учили безобразно. Был придуман так называемый бригадный метод обучения. Заключался он в следующем: весь класс разбивался на группы — бригады, и каждая группа изучала данную тему, а затем один из группы сдавал, а отметки ставились всем. Отметки были «удовлетворительно», «неудовлетворительно» и «слабо». Знания приобретались, мягко говоря, неглубокие, а лентяи попросту никаких не получали.

Вообще, наше несчастное поколение было экспериментальным. Почерки у всех были ужасные. Единственно, у нас была прекрасная старая преподавательница по литературе, она сумела привить нам интерес и любовь к этому предмету, да еще был пожилой математик старой школы, который любил свой предмет и умел его преподнести и заставить учить. Историю своего государства, а также и других не изучали.

Дома роялем я начала заниматься с профессором Александрой Александровной Розен. Занималась я с ней недолго и не помню, почему перешла к профессору Михаилу Михайловичу Черногорову. Черногоров был молодой профессор консерватории, очень красивый внешне. Ко мне относился строго и требовательно. Так как он часто уезжал в концертные поездки, то, чтобы мои занятия не прекращались, поручал меня своим ассистентам: Паладию Паладину и Михаилу Брехесу, которые и подготовили меня к консерватории. Примерно в это же время у меня возникло новое

увлечение — пение. Правда, еще в школьные годы учитель пения выделял меня из хора, я запевала и выступала соло в школьных концертах, но тогда я еще серьезно о пении не думала.

Мои родители часто брали меня с собой в оперу в Народный дом, куда приезжали видные гастролеры, и почти ни один спектакль мои родные не пропускали. Там я слышала М. И. Фигнер, братьев Пироговых, Степанову — обладательницу неповторимого, на мой взгляд, тембра голоса необыкновенно теплого звучания. Там же я впервые услышала А. В. Нежданову, Л. В. Собинова и Л. Я. Липковскую. Липковская произвела на меня огромное впечатление всем своим женственным, очаровательным обликом и прелестным голосом. Исполняемые ею в концертах песенки: «Птички», «Фиалки», «Смешного в жизни много» и другие полюбили публику, и все их распевали. Стала и я их петь, подражая Липковской, и многие знакомые находили, что мой голос по звонкости и легкости напоминает ее голос. Мой дедушка по маминной линии, Александр Алексеевич Бутович, по специальности юрист, друг знаменитого адвоката А. Ф. Кони, очень образованный человек, знал прекрасно историю, географию, литературу, занимался моим образованием и следил за занятиями. Когда все уходило из дома, я любила взять какой-нибудь клавир, чаще всего это были мои любимые в ту пору оперы «Чио-Чио-Сан» и «Травиата». Владела я уже роялем неплохо и свободно читала с листа. И вот открою клавир и начинаю петь — особенно любила сцену смерти Травиаты и последний акт «Чио-Чио-Сан». Пою и плачу, плачу, так на меня действовала музыка, от которой получала огромное наслаждение. Мой дедушка, сидя в кресле с закрытыми глазами и поглаживая свою большую окладистую бороду, непрестанно повторял:

— Довольно, Оленька, довольно заниматься не своим делом, не трать зря времени, играй то, что тебе задано, а петь не надо, нет у тебя оперного голоса, кричишь ты.

Вот так относился дедушка к моему пению, считая его пустой тратой времени. Правда, в ту пору мне было 14-15 лет. Мой папа тоже считал, что я должна заниматься роялем и не думать о пении.

Но вот однажды у нас собрались гости, было много народа, были артисты и среди них народный артист СССР П. З. Андреев, замечательнейший чисто русский певец, создатель лучших образцов русской классики: Руслан, Шекловитый в опере «Хованщина» Мусоргского, Борис Годунов, князь Игорь и т. д. После ужина гости перешли в гостиную и попросили спеть Павла Захаровича. Он так мило, так просто, без всяких уговоров поднялся, засмеялся своим грудным могучим смехом: «Ха! Ха! Ха! — обратился к присутствующему тут же своему аккомпаниатору Флориану Васильевичу Лежену, профессору консерватории, изумительному музыканту, играющему все клавирные на память, транспонирующему в любую тональность прямо с листа. — Ну, Флориан, давай потрезвоним». И начал Флориан Васильевич трезвон колоколов, сцену коронации Бориса. Пел Павел Захарович много: и «Эпиталаму», и «Персидскую песню» Рубинштейна. Голос его, свободно льющийся, безо всякого напряжения, дикция изумительная, фраза — и все согрето задушевностью, естественностью и простотой. Меня он очаровал: в жизни, да еще так близко, я его слышала впервые. В этот вечер и я пела, кто-то из знакомых сказал:

— А у Олечки неплохой голос, она очень мило поет.

Мне было неудобно и стыдно петь перед такими величинами. После уговоров я села за рояль и под свой аккомпанемент спела арию Мими из оперы «Богема» Пуччини. И каково было мое удивление и радость, когда ко мне подошел Павел Захарович, поцеловал мне, 16-летней девочке, руку и сказал: «Здесь Бог кисточкой помазал. Вы, милая барышня, так исполняете эту арию, что любая артистка позавидует. Вам надо обязательно учиться петь. Годика полтора-два помолчите, а потом приходите к нам заниматься». Он имел в виду свою жену Л. А. Дельмас-Андрееву, которая занималась с начинающими учениками.

Ну, с этого часа моя судьба была решена. Раз сам Павел Захарович сказал, что у меня есть данные, значит, я буду артисткой. А пока мне надо было много заниматься роялем, поступать в консерваторию и о пении не думать.

Когда я поступила в консерваторию в 1932 году, Глазунова Александра Константиновича в Петрограде не было, он уехал в 1928 году в Вену как член жюри Международного конкурса имени Ф. Шуберта и по болезни не вернулся. Из Вены он переехал в Париж, где и остался до смерти, т. е. до 1936 года. Очень долго висела на его кабинете вывеска: «Ректор Петроградской консерватории А. К. Глазунов». Много директоров переменилось за мою бытность в консерватории: был и Загурский Б. И., и поэт Маширов, затем П. А. Серебряков.

В консерватории я попала в класс профессора Н. А. Дубасова — изумительного тонкого музыканта, в свое время занявшего на Первом международном конкурсе пианистов 1890 года в Петербурге первое место, победившего Бузони и других видных пианистов. Н. А. Дубасов очень много уделял внимания звуку — туше. От своих учеников добивался и непрестанно говорил, что рояль под пальцами должен петь. Я была его любимой ученицей, он уделял мне много внимания, но, к сожалению, вскоре тяжело заболел, и, когда я заканчивала третий курс, Николай Александрович умер. Возможно, если бы Николай Александрович не умер, пианистка взяла во мне верх над певицей, так как, работая с таким музыкантом, каким был Николай Александрович, и пользуясь его огромным вниманием, невозможно было переключиться на что-либо другое и изменить царю инструментов — роялю.

И вот после смерти Николая Александровича я все больше и больше стала думать о пении, оно стало меня увлекать, но мой отец заявил категорически: «Пока не окончишь консерваторию по классу рояля, о пении не думай, голос — вещь ненадежная, а надо иметь в руках верную специальность». Но все же я начала брать частные уроки у жены П. З. Андреева Любови Александровны Дельмас-Андреевой...

Окончив консерваторию по классу профессора А. В. Зейлигера, я в тот же год, вернее, в этот же месяц держала вступительные экзамены по классу пения...

И вот начались долгожданные уроки по вокалу. Пение — очень сложное дело, ведь вокальная школа построена на субъективных ощущениях, как сумеет преподаватель их преподнести и как сумеет ученик их воспринять. Ведь сколько певцов, столько манер и школ пения. Каждый певец, я имею в виду хороший законченный певец, пришел своим путем к вершинам мастерства, и

то, что полезно и нужно одному, для другого является вредным. Большинство педагогов навязывают всем ученикам свою манеру пения, как их учили, как они сами пели, не учитывая индивидуальности каждого ученика. Счастье, если манера и вокальные установки подойдут ученику, а если нет?! Сколько трагедий было! Люди приходили с хорошим материалом, а через несколько лет становились профнепригодными.

Павел Захарович отличался тем, что не мудрствовал лукаво, он никогда не насиловал голоса, не разрешал форсировать и не расширял искусственно диапазона раньше времени, говоря, что певец формируется во времени, а не в количестве работы. Я не знаю ни одного человека, которому он испортил голос за свою многолетнюю практику. Не всегда все шло гладко у меня, были неудачи и разочарования. Первое время голос у меня увеличился, середина стала значительно компактней, но я стала неуверенно брать крайние верхушки, а иногда и просто их боялась. Когда я начала заниматься пением, я шла до ми-бемоля третьей октавы, и вдруг у меня появилась неуверенность на ля-бемоль-ля. Любовь Александровна и Павел Захарович меня успокаивали:

— Не волнуйся, куда твои верхушки не денутся, просто ты раньше брала их без надлежащей опоры дыхания, а когда середина встала на дыхание, голос зазвучал в центральной части сильнее, гуще, а верха ты еще не можешь взять новым приемом, еще рано, а по-старому разучилась.

Стала думать, а может быть, мне не подходит эта школа? Не обошлось, конечно, и без советчиков, которые говорили, что эта школа больше для мужских голосов и для низких женских, а у меня голос высокий. Я ходила на уроки к другим профессорам, слушала внимательно их занятия и их учеников и все больше убеждалась, что лучше всех отвечало моему вкусу звуковедение в классе Павла Захаровича и Любови Александровны Андреевых. Мне нравилась кантиленная манера звуковедения, круглый, благородный звук, без форсировки, красивое пьяно, естественное положение рта, без искусственного оскала верхних зубов. Я сама стала очень много думать, искать, но время шло и делало свое дело. Может быть, был прав Павел Захарович, говоря, что певец формируется во времени, а может быть, человеку свойственно, как пчелке, собирать и впитывать в себя все, что ему подходит и что близко к его природе. Ведь человек действительно от каждого что-то впитывает, а мне выпало счастье заниматься с Зоей Петровной Лодий, правда, по камерному классу, но невольно она подсказывала и свои вокальные установки. Во время войны я была полтора года в классе Марии Исааковны Бриан. Я работала в оперном классе с таким замечательным дирижером, как Даниил Ильич Похитонов, с концертмейстером Флорианом Васильевичем Лежен и Евгенией Васильевной Бруггер, которая замечательно разбиралась в вокале, всегда давала много ценных советов. Кстати, она написала книгу «Методика преподавания сольного пения». Вообще сбылись слова Любови Александровны и Павла Захаровича: в скором времени мои верхушки ко мне вернулись, но уже более яркие, опертые и сильные, и я их больше никогда не боялась.

В классе П. З. Андреева было много хороших голосов, но как-то ни одному не суждено было стать звездой. Был прекрасный тенор Борис Иванович Соколов, все его считали вторым Собиновым. Во время войны он много пел на фронте,

был донором, сдавал раненым бойцам кровь, причем безотказно. Однажды привезли раненого летчика, вызвали Бориса, он отдал 400 граммов, оказалось мало. Доктор спрашивает:

— Борис Иванович, можете еще дать?

— Раз нужно, конечно, дам.

Дал и упал тут же, потерял сознание, пришлось приводить его в чувство. Все это не могло не отразиться на здоровье, и Борис потерял свой бесценный дар — голос. Надо было жизнь начинать сначала — переменить специальность. Он всегда гордился, что внес лепту в победу над фашистами. Кровь доноры сдавали бесплатно. **Заслуга доноров-патриотов была оценена, о чем свидетельствует телеграмма И. В. Сталина:**

Беломорск

Станция переливания крови

Директору т. Иссерсон

Донорам:

Павлу Илларионовичу Мищенко

Борису Ивановичу Соколову

Тамаре Кирпановне Пустовой

**ПРОШУ ПЕРЕДАТЬ ДОНОРАМ И СОТРУДНИКАМ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ СТАНЦИИ ПЕРЕЛИВАНИЯ
СОБРАВШИМ СТО ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ НА ПОСТРОЙКУ БОЕВОГО САМОЛЕТА «КАРЕЛО-ФИНСКИЙ ДОНОР»
МОЙ БРАТСКИЙ ПРИВЕТ БЛАГОДАРНОСТЬ КРАСНОЙ АРМИИ**

ИОСИФ СТАЛИН